

Советская литература
13 марта 1962.

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ФЕЛЬЕТОН

РЕДАКЦИЯ какой-то газеты... Опытный, талантливый, выдавший виды журналист В. В. (Г. Менглет) пестует своего юного коллегу Пеку (С. Мишулин).

Немного уставший от славы, полный журналистского скепсиса, В. В. вводит Пеку в «свет», где он наверняка почерпнет материалчик для первого фельетона. Да, безусловно!

Перед Пекой на традиционной субботе тунействующей дамы Милицы Ивановны Севериновой предстала галерея современных мещан самого разного толка и обличья...

...Мы на премьере Московского театра сатиры «Фунт лиха». И с первых же его картин довольно явственно ощущаем, как капли сатирического яда стекают с пера известного фельетониста Сем. Нариньяни, представшего автором новой комедии.

Но вернемся в театр. В доме Севериновых царит неистребимая скука, несмотря на все потуги Милицы Ивановны (О. Арсеева) создать салон, наполненный «остроумием и блеском» современной интеллектуальной жизни. Увы, знаменитый артист не появился, поэтому некая Зинаида Аристарховна (В. Токарская) уже в который раз поведала свои убогие впечатления о «кругосветке», где фигурируют только названия европейских столиц, рек, на которых они воздвигнуты, да кушаний. Бездарный композитор Береговых (А. Денисов) утробным басом, косноязычно рассказал о режиме творческого процесса, который состоял из еды и прогулок, прогулок и еды.

Василий Кузьмич из ОБХСС (В. Лепко) виртуозно вязал на спицах, не сумев выдать из себя ни слова о своем «творчестве».

Сатирическому осмеянию подвергаются не только хозяйка и приглашенные «знаменитости». Пусть брат Милицы Ивановны Медакин (Е. Весник) и ответственное по положению лицо, но мурло мещан

нина довольно явственно просвечивает сквозь его важное самодовольство, его афористические суждения, полные догматических положений и чиновной премудрости. А его юная подруга Елка (Н. Архипова)? Приходится удивляться, как эта явно неглупая и вполне привлекательная женщина выносит этого монстра. Неужели расчет, неужели деньги привязали ее к холемому снобу и пройдохе? Сатира? Да, довольно едкая и злая...

Но не все так плохо в этом доме. Мы видим страдальческие глаза Северинова (О. Солюс), мужа Милицы Ивановны. Ему явно не по себе, душно здесь и отвратительно. Его юный отпрыск Револьд (Б. Маньякица) зачастую глаголет истинные, свидетельствующие о том, что он намного мудрее своей мамы. Одним словом, картина ясна, и Пека уже нарисовал схему своего будущего фельетона, фельетона, который, увы, не состоялся...

Но почему же? Сюжет поворачивается, и мы узнаем, что Северинов сбежал из дома в какую-то районную больницу, где с увлечением работает хирургом, отказавшись от своего обеспеченного положения в Управлении медицины. А стая мещан во главе со «страдающей» женой бросилась на его поиски, чтобы водворить все на место.

Пеку это несколько не смутило. Наоборот, он всецело на стороне взывшего от тоски хорошего человека и готов встать на его защиту, разразившись против несправедливости перлами своего гневного пера. Но не тут-то было. Мудрый, опытный В. В., близко стоящий к дому Медакиных, не может допустить такой вольности...

Фельетон забракован. Но истина и правда, конечно, в финале спектакля восторжествовали. В районной больнице нашлись хорошие советские люди со здравым смыслом, которые дали отпор несостоятельным

претензиям мещан. Револьд сбежал к папе, и даже Елка покинула своего Медакина, хоть несколько запоздало, но все же прозрев...

Ну, а юный фельетонист Пека? Он несколько разуверился в своем патроне, но это, конечно, не охладило пыла его борьбы с пережитками в сознании отдельных советских людей...

Как будто все правильно и пора аплодировать... Тем более есть чему. Режиссер Д. Тункель прочел пьесе вздумчиво, поняв ее сатирическую суть. Актеры очень хороши. В этом театре умеют играть точно, броско, сочно как в ролях больших, так и малых, со словами и даже без оных.

Художники Э. Змойро и Н. Кашиных просто великолепны. Их оформление изящно, и меру условно, иронично и не только в деталях, даже в цвете...

И все же спектакль «Фунт лиха» вряд ли станет событием в театральной жизни столицы. Но почему же?

Все дело в пьесе, которой нельзя, казалось бы, отказать ни в остроумии, ни в сатиричности. Но она рассыпалась изряд эпизодов, картин и предстала, скорее, в виде сатирического обозрения. Никто бы и не возражал против этого, но у каждого жанра есть свои законы. В данном случае они оказались нарушенными. Это и рождало иногда в спектакле, как ни странно, ощущение пустоты, а порой даже скуки.

И все же было бы несправедливым под финал рецензии все мазнуть черной краской. Ведь прицел для сатирических стрел автором и театром был избран точно, они вершили поиск, а поиск нельзя зачеркнуть или не заметить.

Ю. МАЛАШЕВ.